

(4)
СЛУШАЯ ВЕТЕР

Чтобы эта коренная американка пришла в АА и к выздоровлению, потребовалось вмешательство «ангела».

Я начала пить, когда мне было около одиннадцати лет. Я жила у своего брата и его жены близ Галлапа, штат Нью-Мексико. Жили мы бедно. Олицетворением дома для меня был запах бобов и свежих маисовых лепешек. Спала я в одной постели с тремя другими детьми, и в зимние морозы мы прижимались друг к дружке, чтобы согреться. Вокруг нашего дома лежал глубокий снег.

Я с трудом читала и плохо понимала то, чему учили в школе, и потому при любой удобной возможности прогуливала занятия. Папа и бабушка рассказывали мне старые истории о нашем народе и его путешествиях по пустыням и горам страны. Я познакомилась с одним мальчиком; вместе мы бросили школу, угнали грузовик и принялись пить текилу и исследовать красные столовые горы. Иногда сидели в тени магазина, напротив улицы у дороги. Когда поезд громыхал через грязный маленький город рядом с резервацией, он обещал чарующие места вдали от сюда.

В возрасте пятнадцати лет я приехала в Сан-Франциско — одна, с гитарой, чемоданчиком и тридцатью долларами в кармане. Намереваясь устроиться куда-нибудь певичкой, я обошла несколько баров и кофеен. Я верила, что смогу стать артисткой. Через три дня я спала на пороге, чтобы не мокнуть под дождем, который лил с самого утра. Я замерзла, чувствовала себя разбитой, и мне некуда было пойти. У меня осталась только гордость, которая не позволяла мне попытаться связаться со своим братом по телефону или вернуться к единственным людям на свете, которые меня действительно знали.

Посреди той долгой, тревожной ночи ко мне подошел приятный белый мужчина средних лет и положил руку мне на плечо. «Пойдем, юная леди», – сказал он, – «давай, я отведу тебя в теплое место и накормлю». Цена, которую он назвал за кров, показалась мне небольшой, учитывая то, что позади я оставляла холодную ночь. Наутро я покинула его отель, сжимая в кулаке пятьдесят долларов. Так началась моя длинная и довольно-таки прибыльная карьера проститутки. Проработав всю ночь, я напивалась, чтобы забыть о том, что мне приходится делать, чтобы платить за жилье, и с первыми лучами солнца засыпала. Так проходили недели.

Я начала воровать, обокрала заправку и винный магазин. Я дружила с очень малым количеством людей, так как научилась никому не доверять. Как-то вечером, часов в восемь, как только я, полупьяная, пристроилась около стены какого-то здания, на обочине остановилась машина. Я решила, что встретила спутника на вечер. Мы договорились о цене, и я села в машину. Внезапно я ощутила оглушающий удар в висок и потеряла сознание. На другом конце города, на пустыре, меня вытащили из машины, выстрелили в меня из пистолета и оставили умирать в грязи, поливаемую тихим дождем. Очнулась я в больничной палате с решетками на окнах. Там я провела семь недель. Меня несколько раз оперировали, и всякий раз, просыпаясь, я с трудом понимала, где нахожусь. В конце концов, когда я уже могла немного ходить, пришла офицер полиции, и меня доставили в окружную тюрьму. Это был мой третий арест за два месяца. Сказывались почти два года жизни на улице.

Судья решил, что я не подлежу реабилитации, и мне предъявили обвинение по восемнадцати пунктам. Почти двадцать шесть месяцев я не видела улицы. В течение нескольких первых я была готова сделать что угодно, лишь бы выпить. Я знала, что бессильна перед наркотиками, но в ал-

коголе не видела ничего вредного. На свободу я вышла летом. Я точно не знала, куда направлюсь, но определенно хотела выпить холодного пива, чтобы освежиться и тем самым отпраздновать свое освобождение. Я купила упаковку из шести банок пива и билет на автобус.

Сойдя с автобуса, я устроилась в бар официанткой. К концу моей первой смены у меня уже было достаточно денег, чтобы купить бутылочку и снять комнату в ближайшем низкопробном отеле.

Через несколько недель я увидела его, единственного индейца, которого встретила за очень долгое время. Когда я пришла на работу, он склонился над бильярдным столом. Я надела передник, взяла поднос и подошла к нему, чтобы узнать, не желает ли он выпить еще.

«Кто разрешил тебе покинуть резервацию?» – спросил он. Я была разъярена, унижена и смущена.

Этот мужчина стал отцом моего первенца. Мои отношения с ним продлились всего лишь несколько месяцев и были первой из множества взаимно оскорбительных связей, которыми были наполнены следующие несколько лет моей жизни. Вскоре я осталась одна, пьющая, бездомная и беременная. Боясь снова загреметь в тюрьму, я отправилась к брату и невестке.

Мой брат устроился на отличную работу и переехал на Гавайи. Там и родился мой сын, и в тот день я обрела цель в жизни: оказалось, что я – прирожденная мама. Он был прекрасен. У него были прямые черные волосы и темные глаза. Прежде я никогда не чувствовала себя так. Теперь я могла снова оставить свое прошлое позади и идти вместе со своим ребенком вперед, к новой жизни.

Через год или около того мне наскучили острова и парень, с которым я встречалась. Я попрощалась со своей работой официантки и родными и переехала с годовалым сыном в Калифорнию.

Мне нужен был транспорт, но машины слишком дороги. Где мне было достать много денег? Мне казалось непорядочным вернуться к занятию проституцией в тот самый город, где я воспитываю сына. Поэтому, договорившись, чтобы кто-нибудь присмотрел за моим мальчиком, я на автобусе добиралась до соседнего города, всю ночь работала, а утром возвращалась домой. Ночная работа была прибыльной. Я думала, что, пока я занимаюсь этим вдали от места, где мой ребенок будет ходить в школу, все будет хорошо. Кроме того, на работе я могла выпивать. Тем не менее, я продолжала получать социальное пособие, потому что это обеспечивало медицинскую страховку.

В финансовом отношении я преуспевала. Через год я нашла замечательную просторную квартиру с видом на океан, купила новую машину и чистокровную колли. Социальные работники вдруг стали чрезмерно интересоваться мной, а я не понимала, что им не нравится. Я вела двойную жизнь. Днем я была хорошей мамой, а ночью – пьяницей-проституткой.

Как-то на пляже я познакомилась с чудесным мужчиной, и мы влюбились друг в друга. Мне было с ним хорошо, как в раю, пока он не спросил, где я работаю! Я, разумеется, солгала. Я сказала ему, что работаю на правительство, в некой секретной службе безопасности, что требует полной секретности; потому-то мне и приходится работать втайне, по ночам, по выходным, за пределами города. Я надеялась, что он прекратит расспросы. Но вместо этого он сделал мне предложение.

Мы стали жить вместе, и для меня стало почти невозможным продолжать заниматься привычным делом – впрочем, как и жить с нечистой совестью. Однажды вечером, направляясь на работу, я застряла в пробке на шоссе. Разразившись слезами, я почувствовала, как внутри меня разверзлась про-

пасть лжи. Я ненавидела себя и хотела умереть. Я не могла сказать ему правду, но и не могла больше лгать ему. Внезапно на меня снизошло озарение. Это была самая удачная мысль, которая когда-либо у меня появлялась. Я на первой же развилке свернула с шоссе, вернулась домой и сказала ему, что меня уволили! Он принял эту новость хорошо, и мы отпраздновали событие огромной бутылкой вина.

Чтобы забыть кошмары прошлого, мне требовалось много выпивки, но я была уверена, что вскоре справлюсь с этой мелкой проблемкой. Однако это мне не удалось. Из-за моего пьянства наши отношения распались. Я собрала вещи, взяла сына, собаку и трех котов и на своей маленькой машине переехала в горы.

Этот горный городок я, будучи ребенком, посещала с папой и бабушкой. На меня нахлынули воспоминания об историях моего детства и рассказах о нашем народе. Я устроилась уборщицей в местный курортный комплекс и снова стала получать социальное пособие. Вскоре после нашего переезда туда мой сын начал ходить в школу. К этому времени я уже употребляла около четверти галлона текилы в день, и у меня регулярно бывали провалы в памяти.

Было обычное утро. Я проснулась, и последнее, что я помнила, была такая слабость, что я едва смогла встать. Я съела столовую ложку меда, надеясь, что сахароза даст мне необходимый заряд энергии. Следующее, что я помню – палата отделения скорой помощи. Мне сказали, что я недоедаю. У меня было около тридцати фунтов недовеса. Врач даже имел дерзость спросить, сколько я пью! Какое отношение это могло иметь к моему недомоганию? Я пообещала, что больше никогда не окажусь в такой ситуации.

Впервые в своей жизни я очень сильно постаралась завязать. После нескольких дней трясучки и тошноты я решила, что глоток текилы мне не повредит. Мне удалось даже не-

много набрать вес, однако через полгода я упала в обморок, и мне поставили диагноз - язва. Я провела в больнице четыре дня. Мне сказали, что, если я не перестану пить, то, по всей вероятности, умру.

Мой сын позвонил своим бабушке и дедушке, и они приехали в горы навестить нас. Мы не виделись много лет. Мы поладили гораздо лучше, чем я ожидала. С внуком у них сложились невероятно теплые отношения. Мой папа водил его в походы по дикой местности, а мама заботилась о нем, пока я работала. Здоровье мое все ухудшалось. В конце концов, мои родители в попытке помочь внуку и мне переехали в наш город.

Мы с папой решили сходить на сборище коренных американцев. Я с самого детства не бывала на подобных мероприятиях. Когда мы стали слушать барабаны и смотреть на танцующих, я почувствовала сильнейшее внутреннее волнение. Я ощущала себя аутсайдером. Мне захотелось выпить. У меня были волосы до талии, и я носила много украшений из бирюзы, которые собрала за все эти годы. Я выглядела, как остальные, но отнюдь не чувствовала себя одной из них. Мне казалось, что все они знают что-то, чего не знаю я.

Пытаясь доказать, что мои дела поправляются, я снова начала работать на улице, чтобы заработать больше денег. Родителям я говорила, что езжу в долину к друзьям. Как-то, проработав весь уик-энд, я возвращалась домой, и меня в третий раз арестовали за вождение в нетрезвом виде. Мне показалось, что, проведя ночь за решеткой, я очень долго была без спиртного.

Шли недели и месяцы, и провалы в памяти все учащались. Затем в местном баре я познакомилась с мужчиной. Мне он не особенно понравился, но у него было много денег, и я ему определенно приглянулась. Он водил меня по хорошим ресторанам и покупал дорогие подарки. Выпив несколько стаканов, я могла его переносить.

Кончилось тем, что мы поженились. Главным моим мотивом было оставить работу на улице и стать обеспеченной женщиной. Я начинала думать, что долго не проживу. Каждый раз, когда я ложилась в больницу, чтобы отойти от пьянки, лица моих врачей становились все более мрачными.

Наш брак был фарсом, и этому мужчине потребовалось лишь немного времени, чтобы это уяснить. Кто-то рассказал ему о моем прошлом, и он потребовал от меня правды. Я была пьяной, усталой, и меня тошнило. Мне уже было все равно, и я во всем призналась. После этого мы начали каждый день драться, и мои визиты в больницу стали более частыми. В один прекрасный день я решила, что не хочу больше жить, и взяла ружье, которое висело у нас над камином. Я обязана жизнью своему мужу. Находясь на заднем дворе, он услышал крик моего сына, вбежал в дом и вырвал ружье из моих рук. Я была в ступоре и не могла понять, что произошло. Власти забрали у меня сына, а меня поместили в закрытую палату для буйнопомешанных, где я провела три дня.

Когда меня выпустили, последующие несколько недель прошли для меня по большей части как бы в тумане. Как-то ночью я застала своего мужа с другой женщиной. Мы подрались; я стала преследовать его на своей машине и попыталась задавить, прямо посреди главной улицы города, из-за чего столкнулись шесть машин. Позже, когда меня схватила полиция, меня снова отправили в закрытую палату. Я не помню, как меня туда привезли, и потому, проснувшись, не знала, где я. Я обнаружила, что привязана к столу за запястья, щиколотки и шею. Меня долго держали в таком положении и внутривенно вводили сильнодействующие лекарства. Отпустили меня через пять дней. На выходе меня никто не встретил, чтобы отвезти домой, и я поймала попутную машину. Дом был заперт, в окнах было темно, и не было никого, кто впустил бы меня внутрь. Я купила бутылку, присела на заснеженное заднее крыльцо и принялась пить.

Однажды я решила сходить в автоматическую прачечную, чтобы постирать одежду. Там была какая-то женщина с двумя детьми. Она быстро и ловко сворачивала одежду и аккуратно укладывала ее в две огромные корзины. И откуда только у нее бралась энергия? Тут до меня дошло, что мне нужно положить свою одежду в сушилку. Но я забыла, в какую стиральную машину ее поместила. Я заглянула, наверное, в штук двадцать, но не обнаружила ее. Тогда я придумала, что делать: я останусь здесь, пока все не уйдут, и заберу всю оставшуюся одежду, а также свою собственную. Тем временем та женщина, разобравшись со своими вещами, написала что-то на клочке бумаги, затем погрузила корзины и детей в машину, вернулась в прачечную, направилась прямиком ко мне и вручила мне этот клочок. Я не могла прочитать, что там было написано, однако вежливо улыбнулась и дружелюбно пробормотала: «Спасибо». Позже я разобрала на этой бумажке телефонный номер и приписанные от руки слова: «Если захочешь бросить пить, обращай в Сообщество Анонимных Алкоголиков в любое время суток».

Почему она дала мне это? Что заставило ее подумать, что я пью? Разве она не видела, что у меня в руках была бутылка с содовой? Надо же, какая наглость! И какое унижение! Я тщательно сложила бумажку и положила ее в задний карман джинсов. Прошло еще несколько недель. С каждым днем мне становилось все хуже. Однажды утром я, как обычно, проснулась одна. Мужа я не видела уже давно. Мне необходимо было выпить, но бутылка на прикроватной тумбочке была пуста. Я кое-как поднялась, но подкашивающиеся ноги отказывались меня нести. Я упала на пол и начала ползать по дому в поисках бутылки. Ничего! Это означало, что мне придется выйти из дома и сходить в магазин.

На полу я нашла свой пустой кошелек, но знала, что не доберусь до машины. Я пришла в ужас. Кому позвонить? Я

больше ни с кем не дружила, а связаться с моими родными по телефону было невозможно. Тут я вспомнила о том номере в кармане своих джинсов. Несколько дней я даже не одевалась. Где же они?

Я обыскала дом и, наконец, обнаружила джинсы на полу в спальне. Бумажка была на месте. С третьей попытки мне удалось набрать номер. Ответил женский голос.

«Я... эээ... вы дали мне этот номер... эээ... Это АА?» – спросила я.

«Да. Ты хочешь бросить пить?»

«Да. Пожалуйста, приезжайте. Мне нужна помощь. О, Боже мой». Я почувствовала, как по моему лицу потекли жгучие слезы.

Через пять минут эта женщина подъехала к моему дому. Должно быть, она была ангелом. Как так получилось, что в тот день в прачечной она возникла из ниоткуда? Откуда она узнала о моей проблеме? Как я за все это время не потеряла ее номер?

Первым делом она убедилась, что у меня в доме не осталось алкоголя. Долгое время она проявляла по отношению ко мне большую твердость. Я стала ежедневно посещать собрания и начала выполнять Шаги. Первый Шаг продемонстрировал мне, что я бессильна перед алкоголем и всем остальным, что угрожает моей трезвости и лишает меня здравомыслия. Алкоголизм оказался лишь симптомом гораздо более глубоких проблем – нечестности и отрицания. Теперь мне нужно было примириться с некой Силой, превышающей мою собственную. Это было для меня очень трудным делом. Как все эти *белые* могли вообразить, что могут понять *меня*? Тогда ко мне прислали ведущую трезвый образ жизни индианку, которая на протяжении целого дня обрабатывала меня. Этот день произвел на меня огромное впечатление. Она не давала мне никакого спуска. Никогда ее не забуду. Она убедила меня в

том, что я – не единственная в своем роде. Она сказала, что мой приход в Сообщество этих *белых* – лучшее, что когда-либо со мной случилось.

«Где бы ты сейчас была, если бы не они?» – вопрошала она. – «Какие у тебя варианты? Есть идея лучше? Скольких ты знаешь *индейцев*, которые могут помочь тебе обрести трезвость?» На тот момент я не могла назвать ни одного. Плача из-за отсутствия ответов на эти вопросы, я сдалась и решила идти их путем. Высшую Силу я представляла себе, как нечто волшебное, парящее над головами людей во время собраний. Эту магию я предпочла называть Великим Духом.

Двенадцать Шагов действовали подобно лому, взламывающему мою нечестность и страх. Мне не нравилось то, что я узнавала о самой себе, но я не хотела возвращаться к тому, от чего ушла. Оказалось, что на нашей планете нет такого вещества, которое помогло бы мне стать честной. Я готова была почти на что угодно, чтобы избежать работы над собой.

До тех пор, пока мне не удалось разобраться с понятием «честность», мою трезвость поддерживала любовь, царящая на собраниях Анонимных Алкоголиков. Впервые в жизни у меня появились друзья. Настоящие друзья, которые беспокоились обо мне, даже когда я чувствовала себя сломленной и пребывала в отчаянии. Прожив в трезвости двадцать два месяца, я, наконец, смогла выполнить честную моральную инвентаризацию. Пятый Шаг дал мне возможность увидеть свою роль в возникновении собственных обид и страхов. В главе «Как это работает» Большой Книги приведены вопросы, ответив на которые, я осознала, как реагирую на обстоятельства своей жизни. Каждая обида, реальная или воображаемая, вызывала у меня нездоровую и саморазрушительную реакцию. Я позволяла другим контролировать мое ощущение собственного благополучия и

поведение. Я пришла к пониманию того, что поведение, взгляды и мысли других людей меня не касаются. Единственный человек, чьи дела должны меня заботить – это я! Я попросила свою Высшую Силу избавить меня от всех тех черт, которые мешают мне приносить пользу Ей и людям, и помочь мне построить новую жизнь.

Своего мужа, с которым я сейчас живу, я встретила на собрании АА. Вместе мы несем послание Сообщества индейцам, живущим в резервациях по всей стране. После двух лет трезвости я занялась своим образованием, начав с уровня пятого класса. Окончив колледж, основала собственное дело. Теперь я пишу книги и издаю их. В начальный период моей трезвости родилась наша дочь, которая сейчас учится в средней школе. Она ни разу не видела, чтобы ее мать пила. Наша семья вернулась к духовности наших предков. Мы посещаем традиционные индейские сборища и церемонии на своей родной земле. Вместе с другими обретшими трезвость представителями нашего народа мы ездим по индейским интернатам и другим заведениям, делаясь своим опытом выздоровления.

Сегодня моя жизнь наполнена честностью. Каждое действие, слово, молитва или звонок по Двенадцатому Шагу – это вклад в мою духовную свободу и совершенствование. Я влюблена и горда, что я – коренная американка. На собрании АА в одной индейской резервации я услышала такие слова: «Трезвость – традиционная». Я стою на вершине священной горы и слушаю ветер. Теперь я каждый день нахожусь в сознательном контакте с Творцом, и Он любит меня. Благодаря Двенадцати Шагам, выздоровлению и любви Сообщества все вокруг меня священо.